

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)«1914/19»

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-286-298>

Этика как основа развития научной школы (на примере петербургской исторической школы)

И.Е. Барыкина¹

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург 191186, Российская Федерация

✉ e-mail: ibarykina@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время для системы высшего образования актуальной является задача формирования и развития научных школ. Это ставит в повестку дня исследования по проблематике «научной школы»: определение самого понятия, принципов создания научной школы, ее деятельности и жизнеспособности.

Цель исследования – выявить принципы деятельности научной школы, способствующие ее становлению и развитию

Задачи: изучить воспоминания разных поколений историков, чья научная деятельность разворачивалась в рамках одной научной школы; выявить характерные черты научной школы, обеспечившие ее развитие; проследить преемственность качеств наставника, передававшихся от поколения к поколению внутри научной школы.

Методология исследования включает сравнительно-исторический и системный подходы, принципы объективности и историзма, эмпирический метод сбора данных, основанный на выявлении исторических источников – воспоминаний представителей разных поколений историков и их источниковедческом анализе.

Результаты. От поколения к поколению петербургских (ленинградских) историков в течение XX века передавались не только методологические основы и темы научных исследований, но и нравственные качества, которыми должен обладать наставник. Требовательность к себе и к ученикам, и вместе с тем уважение к личности, интеллигентность и благородство являлись этическими принципами этой научной школы.

Выводы. Преемственность идей петербургской исторической школы заключалась не только и не столько в общих принципах научной и преподавательской деятельности, но и в нравственном эталоне, заложенном ее основателем А.С. Лаппо-Данилевским.

Ключевые слова: научное знание; образование; научная школа; петербургская историческая школа; традиции; наставничество; этика.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Минпросвещения России в рамках государственного задания по теме «Образы героев в российской педагогике» (проект № VRFY-2025-0030).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Барыкина И.Е. Этика как основа развития научной школы (на примере петербургской исторической школы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 286–298. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-286-298>.

Поступила в редакцию 29.05.2025

Принята к публикации 30.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Ethics as a basis for the development of a scientific school (using the example of the St. Petersburg historical school)

Inna E. Barykina¹

¹Herzen University
48 Moika Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation

 e-mail: ibarykina@mail.ru

Abstract

Relevance. Currently, the task of forming and developing scientific schools is relevant for the higher education system. This puts on the agenda of research on the problems of the "scientific school": defining the concept itself, the principles of creating a scientific school, its activities and viability.

Purpose – to identify the principles of the scientific school that contribute to its formation and development

Objective: to study the memoirs of different generations of historians whose scientific activity unfolded within the framework of one scientific school; to identify the characteristic features of the scientific school that ensured its development; to trace the continuity of the qualities of a mentor passed down from generation to generation within the scientific school.

The research methodology includes comparative historical and systematic approaches, principles of objectivity and historicism, an empirical method of data collection based on the identification of historical sources - memoirs of representatives of different generations of historians and their source analysis.

Results. From generation to generation of St. Petersburg (Leningrad) historians during the 20th century. not only the methodological foundations and topics of scientific research were transmitted, but also the moral qualities that a mentor should possess. Demandingness towards oneself and towards students, and at the same time respect for the individual, intelligence and nobility were the ethical principles of this scientific school.

Conclusion. The continuity of the ideas of the St. Petersburg historical school consisted not only and not so much in the general principles of scientific and teaching activities, but also in the moral standard laid down by its founder A.S. Lappo-Danilevsky.

Keywords: scientific knowledge, education, scientific school, St. Petersburg historical school, traditions, mentoring, ethics.

Funding: This work was carried out as part of the state-commissioned assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, project 'Images of heroes in Russian pedagogy' (project No. VRFY-2025-0030).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Barykina I.E. Ethics as a basis for the development of a scientific school (using the example of the St. Petersburg historical school). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):286–298. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-286-298>.

Received 29.05.2025

Accepted 30.07.2025

Published 29.08.2025

***

Введение

Формирование молодых ученых, «воспроизводство научных кадров» традиционно является задачей высшей школы, и на рубеже прошлого и нынешнего столетия эта миссия приобрела особую актуальность. На наших глазах уходят из жизни те, кто во второй половине XX в. составил «золотой фонд» отечественной

науки. Следующее поколение ученых приходит им на смену, и оно, в свою очередь, призвано подготовить преемников. Появление новых способов передачи и освоения информации, развитие возможностей искусственного интеллекта ставят вопрос о роли наставника в процессе подготовки молодых исследователей, о создании научных школ. Закономерно по-

явление работ, в которых исследуются понятие «научной школы» и проблемы ее изучения. Е.А. Ростовцев в монографии о Санкт-Петербургском университете отнес этот исследовательский вектор к «антропологической проблематике российской науки и высшей школы второй половины XIX – начала XX в.». Он выделил в ней два аспекта, подчеркнув, что они в большинстве случаев касались гуманитарного знания: «отношения внутри научных корпораций» и «многочисленные исследования схолярной проблематики» [1, с. 94–95]. К таким исследованиям по «схолярной проблематике», появившимся в последнее время, относятся, например, монографии Б.С. Кагановича «Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков» (СПб., 1995), Е.А. Ростовцева «А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа» (Рязань, 2004), а также работы А.В. Свешникова.

Зачастую в историографии научная школа рассматривается как особая система методов научного исследования. Впервые аналитический обзор деятельности петербургской исторической школы, научной «в классическом ее понимании» [2, с. 303], дал С.Н. Валк (1887–1975) в очерке «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет». Он определил феномен научной школы, с одной стороны, как особую методологию исследования, подчеркивая, что в петербургской исторической школе соединились лучшие традиции «московского исторического круга», видевшего в научности истории «средство (орган) общественного воспитания», и петербургской исторической школы, отличавшейся «критической историографией, которая вопрос о составе и приемах изучения источников считала основой в деятельности ученого-историка» [3, с. 41, 45]. С другой стороны, в статье Валка научная школа предстает как система преемственности, передачи этого методологического подхода от одного поколения ученых к другому на протяжении столетия.

Существенную характеристику научной школы отметил московский исследователь В.В. Тихонов: «...научное и личностное взаимодействие между учителем и его учениками, а также различными поколениями представителей сообщества» [4, с. 14].

Научную школу как «систему воспроизводства профессионального научного сообщества» рассматривает в своих работах А.В. Свешников. Он сосредоточился на петербургской школе медиевистов начала XX в., справедливо полагая, что модернизационные процессы этого периода оказали большое влияние на научное сообщество. Среди исторических научных школ Свешников выделяет кружки, сложившиеся «вокруг В.О. Ключевского в Москве и С.Ф. Платонова в Санкт-Петербурге» [5, с. 108]. На примере школы медиевистов, сформировавшейся вокруг И.М. Гревса (1860–1940), Свешников вывел следующие характерные особенности научной школы: «набор принципиальных теоретико-методологических и конкретно-исторических взглядов, составляющий фундамент школы» и «школообразующие практики» (семинары, практические занятия, образовательные экскурсии и т. п.). «Профессиональная социализация шла в данном случае в рамках школы, посредством школы и была неразрывно связана с конструированием школьной идентичности. <...> Школа оказалась возможной именно как социальная группа» [5, с. 110] к созданию которой сознательно стремился Гревс. Участники этой группы не были связаны политическими взглядами, но Гревс старался «патерналистски выстроить целостное мировоззрение своих учеников» [5, с. 111].

Свешников выделил такую важную черту этого сообщества, как роль наставника. Эта черта для петербургской исторической школы являлась фундаментальной, наставник был «системообразующим элементом», вокруг которого выстраивались все остальные характерные признаки этого феномена. Для научной

школы Лаппо-Данилевского фигура наставника стала основой своеобразного «долгожительства», которым не могли похвастаться многие научные кружки.

Методология

Принципы объективности и историзма легли в основу методологии исследования как основа научного подхода. С помощью эмпирического метода сбора данных были выявлены и на основании системного подхода объединены в одно целое воспоминания учеников и учителей петербургской исторической школы. Эти мемуары были подвергнуты источниковедческому анализу, что позволило определить характерные черты петербургской исторической школы как научного и социального феномена. Было проведено сравнение этого явления с подобным – московской исторической школой, что дало возможность выделить уникальные качества рассматриваемого феномена.

Первый научный анализ воспоминаний такого рода предпринял С.Н. Валк, среди многочисленных работ которого выделяются труды по источниковедению. В очерке об исторической науке в Ленинградском университете [3] ученый привел отзывы о научной деятельности своих предшественников и современников, в то же время сверяя эти высказывания с собственной оценкой отечественной историографии. Суждения о педагогической деятельности своих учителей С.Н. Валк строил не только на основании своих впечатлений, но и на утверждениях других учеников, например, своего коллеги Б.А. Романова.

Воспоминания о новом поколении преподавателей петербургской исторической школы – о С.Н. Валке и Б.А. Романове – оставили их выдающиеся ученики. Это не единичные реплики, а своеобразное «многоголосье» (воспоминания Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, В.Г. Чернухи, В.М. Панеяха и др.), позволяющее

вывести общее мнение. Можно добавить к этим историческим источникам устную историю – автору статьи довелось неоднократно слышать высокие отзывы упомянутых историков о своих учителях, к авторитету которых они обращались как к высокому мерилу своей жизни и научной работы.

И, наконец, Б.В. Ананьичу [6, с. 107] посвящена книга воспоминаний, вышедшая после его кончины, в которой звучит целый «хор» его учеников, живущих и работающих в разных городах и разных странах. Эти тексты, лишённые официальной тональности, близки к устной истории по непосредственности изложения и свежести впечатлений. Данная особенность не снижает их значимости, а наоборот, приближает читателя к научному феномену. Знакомство автора статьи с Б.В. Ананьичем позволяет верифицировать эти отзывы.

Выбранная методология исследования обеспечила возможность обнаружить свойства научной школы как системы «воспроизводства» научных кадров, главную роль в которой играло личностное взаимодействие учеников и учителей.

Результаты и их обсуждение

Многие современные петербургские историки вспоминают лекции Б.В. Ананьича (1931–2015). В течение почти 60 лет его научная деятельность была связана с Санкт-Петербургским институтом истории РАН, а преподавательская – с Санкт-Петербургским университетом. Научные интересы Ананьича охватывали различные сюжеты экономической, политической и социальной истории России второй половины XIX – начала XX в. Он производил на своих учеников впечатление «незаурядной, выдающейся личности», человека «высокой интеллигентности», «с четкой системой нравственных координат». Размышляя на лекциях вслух, он давал студентам возможность

«ощутить ткань истории, ее живое дыхание, ее пульс», показывая «как действовали пружины власти, чем были мотивированы те или иные политические решения, как взаимодействовали и/или противостояли друг другу разные властные, общественные и партийные группировки». Являясь ученым с мировым именем, Ананьич общался со своими учениками на равных, как с исследователями, интересуясь их мнением по поводу своих научных работ [7, с. 29–30]. Он «учил, не наставляя, а показывая, вовлекая в мир истории» [8, с. 40]. Во многом Ананьич перенял стиль преподавания и общения у своего учителя – Б.А. Романова (1889–1957).

Однокашники Ананьича, учившиеся на историческом факультете Ленинградского университета в первые послевоенные годы, вспоминали, что «еще застали большую группу представителей старой академической науки»: Е.В. Тарле, Н.И. Полетику, В.В. Струве и др. Из этой группы, несшей «на себе печать “серебряного века” российской культуры и науки», выделялась «фигура старца-аристократа» Романова, «одевавшегося как-то “вызывающе” – в пальто-доху и шапку “боярку”, что было совершенно не принято» [2, с. 299].

Романов сочетал в своей научной деятельности «антик» (историю Древней Руси) и «модерн» (историю России конца XIX – начала XX в.). В небольшую группу учеников Романова, которых он называл «сынами» [9, с. 81], кроме Ананьича, входили Н.Е. Носов, А.А. Фурсенко, В.М. Панеях и Р.Ш. Ганелин. Они оказались «не только прочным фактом личной биографии» ученого, но и «важным явлением» отечественной науки [10, с. 140]. Носов и Панеях продолжили традицию изучения «антика», Ананьич, Ганелин и Фурсенко – «модерна». В изучении «модерна» Романов оказался новатором, нарушившим традицию исследова-

ния событий не ранее чем через 50 лет после того, как они произошли, т. к. полвека спустя становились доступными архивные документы. Романов также изменил традиционный взгляд на экономическую историю, доказав, что «паровозы, вагоны» тоже могут стать предметом исторического исследования [11, с. 299]. Работу в этом направлении продолжил Ананьич.

Авторитет Романова, не только научный, но и нравственный, был неоспорим в глазах студентов. «В Борисе Александровиче одном было больше таланта, чем во всех нас, его учениках, вместе взятых», – отмечал Ананьич. Он передал впечатления от занятий на семинаре по истории российского империализма в 1948 г. Сначала первокурсники были разочарованы тем, что Романов «просто читал вслух работу Ленина с комментариями». Но дальнейшие занятия преподаватель построил в форме рассказа о работе над своей первой монографией «Россия в Маньчжурии». «Он замечательно рассказывал» [6, с. 107]. Очевидно, что студентов увлек не только ораторский дар преподавателя (как в рассказе Чехова), но и его подход к научному исследованию: Романов часто использовал в своих книгах приемы научно-литературного изложения, избегая стандартных выводов, заключений и положений, взамен разворачивая «текущую цепь фактов, следующих один за другим, как они определены изучением источников» [10, с. 123].

У Романова был большой опыт работы в средней школе, он стал преподавать сразу после окончания университета в 1911 г., был учителем истории в нескольких петербургских гимназиях, Смольном институте, а после революции – в трудовых школах, и лишь в 1924 г. перешел в Центрархив и посвятил себя научным изысканиям [10, с. 115]. Он получил доступ к документам по экономической истории предреволюционного периода, то-

гда же и возник его научный интерес к «модерну». Одновременно, в 1919 г., Романов стал преподавать в университете. С 1944 по 1950 г. Романов вел практические занятия со студентами первого курса, разбирая вместе с ними текст «Русской Правды». Первокурсники «в знак восхищения и благодарности за увлекательные, глубокие, неповторимые занятия по «Русской Правде» преподнесли ему шкатулку с миниатюрным текстом исторического источника и лупой. Этим откликом на свою преподавательскую работу Романов очень гордился: «Значит, недаром я вкладывал всего себя в эти занятия» [10, с. 138]. С 1950 г. Романов руководил студенческим историческим кружком. Преподавание увлекало его, занятия «питали морально». Ему было интересно следить за ростом студентов, их вхождением в науку, к которому он их «подталкивал» [10, с. 139]. Не случайно у Романова появилась группа учеников, продолживших его исследования, помнивших его слова: «держаться вместе» [9, с. 76]. Они перенимали у своего учителя «систему нравственных координат», которую он никогда специально не конструировал для них, но был ее олицетворением.

Учителями Романова были преподаватели дореволюционного Петербургского университета. Он поступил на историко-филологический факультет в 1906 г., когда под влиянием революционных настроений изменилась университетская жизнь. Вместо курсовой системы обучения появилась предметная: посещение лекций стало обязательным, необходимо было сдать экзамены по установленным предметам и зачеты по «просеминарию» и трем «семинариям» (в современном учебном плане на смену им пришли практические занятия). Романов вспоминал: «Нам пришлось <...> самим творить свою жизнь. <...> Можно сказать, что наша жизненная мускулатура свободно и

здорово развивалась именно в этом процессе свободного выбора и неподсказанных решений» [10, с. 108]. Семинарские занятия в этот период превратились в главную форму университетского обучения. Романов посещал «семинарии» по русской истории, которые вели выдающиеся российские ученые А.Е. Пресняков, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский.

Своим учителем Романов считал Преснякова (1870–1928), известного исследованиями как по истории Древней и Средневековой Руси, так и по истории Российской империи XIX в. Пресняков в 1907 г. только начинал свою преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента, и для первых практических занятий, на которых оказался Романов, выбрал летописи. Каждый студент должен был выступить на семинаре с сообщением, и тема, выбранная Романовым, относилась к участию смердов в княжеских походах на половцев. Очевидно, на молодого человека произвели впечатление лекции преподавателя, и Пресняков, в свою очередь, отметил способного студента. Между ними не только установились дружеские отношения, они были единомышленниками, обсуждали коллизии своей научной работы [10, с. 109–111]. Именно Преснякову была свойственна манера научно-литературного изложения с опорой на исторические источники, получившая развитие в работах Романова [10, с. 123].

Еще одним учеником Преснякова был университетский товарищ Романова, выдающийся отечественный историк Валк, занимавшийся преимущественно историей России XIX в. Как и Романов, он казался студентам «как бы выходцем из другого мира, гораздо менее шумного и безалаберного»: «с потрепанным школьным портфелем, вечно забываемым в аудиториях, почти никогда не снимаемым пенсне». «Он был необычайно учтив

и застенчив» [2, с. 299], стеснителен и деликатен, «никогда не ошибаясь, всех студентов называл по имени и отчеству, никогда не входил первым ни в одну дверь» [2, с. 315]. При этом сильное впечатление на студентов производила «необыкновенная» личность профессора: «энциклопедически образованный ученый, знаток искусства и коллекционер, меломан, превосходный Учитель и поразительно благородный человек, человек естественного, повседневного и какого-то обыденного благородства». «У него была феноменальная память, а с нею вместе и академический кругозор» [2, с. 301]. Ученики отмечали его интерес не только к прошлому, но и к настоящему, он читал газеты на нескольких иностранных языках.

Валк оказал влияние на развитие отечественной исторической науки не только исследованиями в области источниковедения и истории России, но и преподавательской работой, подготовив множество новых ученых. «Сотни выпускников ЛГУ прошли через его курсы и семинары, многие десятки стали его прямыми учениками». Валк читал курсы источниковедения и архивного дела. «Лекции его носили скорее характер бесед, лишенных какой бы то ни было назидательности, но глубоко поучительных. В них всегда были представлены самые глубокие и важные в теоретическом и практическом отношении сведения об историческом источнике и работе с ним». На практические занятия вместе со студентами приходили выпускники, аспиранты и защитившие диссертации ученые. Это было «ученое собрание» исследователей-единомышленников, объединенных «темой общего звучания» [2, с. 315]. Даже много лет спустя В.Г. Чернуха, ученица Валка, ставшая известным ученым, в беседах со своими аспирантами ссылалась на авторитет учителя по проблемам внутренней политики второй половины XIX в.

Ученики Валка часто вспоминали, что, как и Романов, на первом курсе он дал им возможность почувствовать себя серьезными исследователями, предложив самостоятельно разобрать «первый в их жизни важнейший исторический источник» – «Русскую Правду», поставив таким образом их на один уровень с известными учеными. Мнение первокурсников «рассматривалось наравне с теми точками зрения, которые были представлены и обсуждались в литературе» [2, с. 315].

Помимо Преснякова, повлиявшего на Валка «всею характером своего творчества», его учителем был А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), один из основоположников петербургской исторической школы, «которая вопрос о составе и приемах изучения источников считала основной в деятельности ученого-историка» [3, с. 45]. Занимаясь экономическими вопросами истории Средневековой Руси, он полагал, что «научным построениям должно предшествовать тщательнейшее исследование источников», «источниковедческий анализ» [2, с. 303]. Закономерный итог этих штудий был подведен в книге «Методология истории» [12].

Сложные взаимоотношения сложились между кружком студентов, объединившихся вокруг Лаппо-Данилевского, и кружком Платонова – они соперничали. Платонов видел разницу между этими профессиональными сообществами в том, что вокруг Лаппо-Данилевского собирались «дворяне по воспитанию», «с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории», соединенные «общим делом», а «платоновцы, разночинцы, люди другого общества», «с меньшим запасом научных сил», связанные только личной дружбой [13, с. 133]. Однако с такой оценкой нельзя согласиться в полной мере, социальное происхождение не помешало Валку, выходцу из небогатой еврейской семьи,

войти в кружок Лаппо-Данилевского. Все же Платонов верно подметил, что кружок Лаппо-Данилевского, из которого выросла целая научная школа, имел общее кредо. Это кредо усвоили и передали следующим поколениям ученики Лаппо-Данилевского.

Лаппо-Данилевский стал для Валка Учителем с большой буквы, «научным и нравственным эталоном». Валк поступил в университет в 1907 г., приехав в Петербург из небольшого города в Царстве Польском, национальной окраине Российской империи. Занятия на первом и втором курсе разочаровали, т. к. были далеки от его представлений о «сложности, строгости, возвышенности научного процесса», он даже хотел бросить учебу в университете [2, с. 302]. Но на семинарских занятиях у Лаппо-Данилевского, где происходило полное изучение исторического источника, предшествовавшее его научной публикации, ожидания Валка, наконец, совпали с реальностью.

Лаппо-Данилевский был передовым ученым в полном смысле этого слова. Он опережал свое время, работая «на высочайшем отечественном уровне», «на гребне мировой исторической науки», пользуясь авторитетом среди коллег, будучи избранным ими в 36 лет действительным членом Императорской Академии наук. «Сочетание преподавательской и исследовательской работы А.С. считал обязательным» [2, с. 303]. При этом он был очень строгим преподавателем и требовательным научным руководителем. Студенты испытывали по отношению к Лаппо-Данилевскому, по замечанию Романова, «страх логический, страх эстетический», ощущая на лекциях «неумолимую строгость», в основе которой был «моральный источник» [10, с. 112]. По воспоминаниям Валка, переданным его учениками, Лаппо-Данилевский был «человеком довольно сдержанным и сухим, закрытым», «он никогда не спустился с

высоты собственных знаний на студенческий уровень», «всегда преподавал (читал, спрашивал, объяснял, строил семинарий) на уровне своих знаний». От студентов требовалось «большое напряжение, постоянная подготовка». В числе его учеников оказывались «как бы прошедшие особый научный тест», обладавшие какими-то общими качествами. Войдя в эту «семью», Валк «как бы попал к “своим”». Помимо высоких нравственных требований, это единство было основано на «научном реализме», «конкретном, непосредственном отношении к источнику» [3, с. 63] – характерной методологической черте петербургской исторической школы.

Лаппо-Данилевский был для Валка «образцом, в котором он до последних лет своих не усомнился». «Общественное» влияние на него также оказал Гревс – основатель петербургской школы историков-медиевистов [2, с. 304]. Если Лаппо-Данилевский был не склонен вмешиваться в общественно-политическую жизнь, то Гревс этой жизнью активно интересовался и в ней участвовал, был в рядах наиболее прогрессивных профессоров», обладал «природным талантом к науке и крупным педагогическим дарованием», оказывал «воздействие» на студентов «широтой культурных взглядов, удивительным отношением к людям, особенно молодым, начинающим свой путь» [13, с. 176–177].

Гревс преподавал не только в университете, но и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Одна из курсисток, В.П. Андреева-Георг, вспоминала: «Он считал, что “профессор – это прекрасная общественная роль”. Он полагал, что профессор обязан владеть аудиторией на основе и в результате своей ученой деятельности и непрерывной исследовательской активности. <...> Семинарии он вел мастерски: умел научить по-настоящему заниматься наукой, быть свободным и

независимым в ее сфере, т. е. знать, каким путем, через какие источники, книги, справочники, подойти к разработке вопроса и как с ним справиться. Кроме того, И.М. Гревс умел научить любить науку, постичь ее красоту и притягательные свойства. Умел увлечь предстоящей научной работой даже в той краткой беседе...» [14, с. 176].

Гревс считал очень важной работу со студентами именно на семинарских занятиях. Это направление продолжил и развил Валк, ценивший семинарские занятия «более всего», положивший «в их основу работу самих студентов над историческими источниками» [2, с. 304]. Другое направление просветительской и преподавательской работы Гревса – образовательные путешествия как способ изучения городской среды – сегодня продолжают развивать современные педагоги.

Научное и нравственное влияние на Валка также оказал В.И. Семевский (1848–1916). Из его рук Валк «принял эстафетную палочку» в изучении крестьянской реформы Александра II и крестьянского движения. К Семевскому, уже не преподававшему в университете и посвятившему себя исследовательским занятиям, Валк направил Лаппо-Данилевский, с запиской и просьбой дать ему работу. Семевский считал помощь студенчеству «одной из своих общественных обязанностей» и предложил молодому человеку работу в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона и братьев Гранат. Возможно, Валк стал участником занятий, которые Семевский вел на дому.

От Лаппо-Данилевского и его соратников по научному цеху к Валку и Романову, а от них к ученикам передавалось общее кредо наставников петербургской исторической школы – не только высокие научные достижения, ораторские способности, а, в первую очередь, внутреннее благородство, укорененность нравственных начал, демократизм в отношении к

студентам, требовательность к себе и к ученикам, уважение к их мнению. Это кредо сформулировал Н.И. Кареев, профессор Петербургского университета, занимавшийся также вопросами школьного преподавания истории. Он отмечал, что «в деле образования (да и воспитания тоже) на первом плане должен стоять вопрос не о том, что сделать из воспитываемого, а что делать для него самого: тем, что мы для него сделаем, определится и то, что из него выйдет». Он подчеркивал, что, различая добродетель и порок в прошлом, преподаватель истории должен быть убежден в незыблемости нравственных основ: «Преподавателю истории нет надобности быть учителем морали, но он, несомненно, должен быть морально настроенным человеком в более сильной степени, нежели преподаватель <...>, которому на своих уроках не приходится иметь дело с такими нравственными ценностями, каких сплошь и рядом касается историческое преподавание» [15, с. 165–167]. Эти утверждения в полной мере относятся и к принципам петербургской исторической школы.

Безусловно, профессора других университетов обладали высокими нравственными качествами, но уникальность петербургской исторической школы состояла в том, что эти качества не исчезали с уходом из жизни конкретного ученого, а передавались от одного поколения наставников к следующему, таким образом продолжалась жизнь научной школы со своими нравственными принципами и методологической традицией.

К научному и нравственному авторитету представителей петербургской исторической школы неоднократно обращались их коллеги из Москвы. П.Н. Миллюков вспоминал, как он приехал в Петербург в 1892 г. после неудачной защиты своей диссертации в Москве, где его научный руководитель, В.О. Ключевский, выступил с резкой критикой. Миллюков

отметил различия между петербургской и московской историческими школами, подчеркнув тщательную работу с источниками петербургских историков, но вместе с тем как недостаток их приверженность истории Древней Руси, тогда как московские историки уже разрабатывали более актуальные темы. Однако Милюков нашел в Петербурге Лаппо-Данилевского, «подходившего к вопросам истории более широко и отвлеченно», и Семевского, «историка крестьянского вопроса и русских общественных движений от декабристов до петрашевцев». Милюков отметил «его большое влияние на молодежь» [16, с. 163]. В среде петербургских историков Милюков получил поддержку.

Понимание и поддержку нашла в Ленинграде и Л.Г. Захарова, ученица П.А. Зайончковского. Он настоятельно рекомендовал ей в качестве докторской диссертации исследование по внутренней политике Николая II, несмотря на то, что эта научная тема Захарову не привлекала. Она подчинилась авторитету учителя и начала работать в историческом архиве Ленинграда, при этом не только собирая материал для статьи «Николай II и его окружение», но и изучая дневники деятелей эпохи Великих реформ Александра II. Осознав, что именно исследование по истории крестьянской реформы привлекает ее как научная тема, Захарова сразу же позвонила известному ленинградскому историку, профессору университета С.Б. Окуню, а затем по его приглашению приехала к нему домой, чтобы поделиться своими открытиями и сомнениями. Свое обращение к ленинградскому историку, который не был ее научным руководителем (однако дружил с Зайончковским), Захарова объясняла высоким научным и нравственным авторитетом Окуня. «Всем, кто серьезно занимался своим делом и кого считали человеком порядочным, двери гостеприимного дома

профессора Окуня были открыты. <...> Вот и в тот памятный день меня охотно приняли». Профессор внимательно выслушал охваченного энтузиазмом молодого историка, дал советы по дальнейшей научной работе. И на вопрос о том, как быть с мнением научного руководителя, настаивавшего на другой теме, посоветовал написать статью, показать ее Зайончковскому, и обнадежил тем, что вопрос уладится. «Счастливая и благодарная, получив фактическое благословение» на выбранную тему, Захарова «распрощалась и уехала в Москву» [17, с. 8–9].

О московской исторической школе в отдельности и в сравнении с петербургской написано множество научных работ. Сравнительный метод использовал в своей статье о Ленинградском университете С.Н. Валк, подчеркнув, что одним из достоинств московской научной школы было отношение к исторической науке как к «органу» «умственного, нравственного и гражданского воспитания общественных сил». Валк показал, что в деятельности Н.И. Кареева, выпускника Московского университета, преподававшего затем в Петербурге, соединились лучшие качества двух школ. Н.И. Кареев «воспринял» от «традиций московского исторического круга» «своеобразное определение научности истории как средства (органа) общественного воспитания». «Широкий общеобразовательный уклон» он сумел соединить со скрупулезным изучением исторического источника, характерным для петербургской исторической школы [3, с. 41–42].

Преимущество тематики и методологии исследований московской исторической школы рассматривается в объемной монографии В.В. Тихонова. Задача книги – реконструкция научных биографий историков, анализ особенностей их исследовательской деятельности. Сосредоточившись на этих проблемах, В.В. Тихонов лишь повторил высказыва-

ние С.Н. Валка об особенностях двух исторических школ, перефразировав его для московской школы как «интерес к социальной тематике и стремление концептуализировать полученные фактические данные, создать широкие исторические обобщения» [4, с. 19]. Однако суждение Валка глубже, он выделил ту черту научной школы, которая могла передаваться от поколения к поколению и стать основой ее развития. Эта тема еще ждет своего исследователя.

Выводы

Преимственность идей, не только научных, но и нравственных, объединивших учителей и учеников петербургской исторической школы, их передача от Лаппо-Данилевского, Преснякова,

Гревса, Семевского к Романову и Валку, а от них к послевоенному поколению историков обусловили «взрыв» отечественной исторической мысли в Ленинграде во второй половине XX в., когда в российскую историографию вошли работы Ананьича, Ганелина, Чернухи и их однокашников и соратников по научной работе. В свою очередь эти историки подготовили новую плеяду учеников, которые преподавали и преподают в университетах нашей страны. Опыт петербургской исторической школы, его научный и нравственный аспекты имеет теоретическое и практическое значение как для ученых, занимающихся открытием нового знания, так и для тех, кто преподает в вузах.

Список литературы

1. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Полит. энцикл., 2017. 903 с.
2. Ганелин Р.Ш., Чернуха В.Г. С.Н. Валк (1887–1975) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 26. СПб.: Наука, 1998. С. 299–316.
3. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. С. 7–106.
4. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.
5. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века в контексте российской модернизации // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 107–112.
6. Из воспоминаний Б.В. Ананьича // Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним / отв. вред. Н.И. Ананьич. СПб.: Лики России, 2016. С. 107.
7. Витухновская М.А. Памяти Бориса Васильевича Ананьича // Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним / Н.И. Ананьич (ред.). СПб.: Лики России, 2016. С. 29–33.
8. Правилова Е.А. In memoriam // Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним / Н.И. Ананьич (ред.). СПб.: Лики России, 2016. С. 40–42.
9. Рибер А. Борис Васильевич Ананьич // Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним / Н.И. Ананьич (ред.). СПб.: Лики России, 2016. С. 80–85.
10. Валк С.Н. Борис Александрович Романов // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. С. 107–145.
11. Ганелин Р.Ш. Б.А. Романов – историк революционного движения в России // Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 209–228.

12. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 621 с.
13. Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 967 с.
14. Андреева-Георг В.П. И.М. Гревс // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918) / С.Н. Валк (ред.) [и др.] Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 173–175.
15. Кареев Н.И. О школьном преподавании истории. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. 226 с.
16. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Современник, 1990. 446 с.
17. Захарова Л.Г. Путь к теме // Александр II и отмена крепостного права в России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 5–38.

References

1. Rostovtsev E.A. Metropolitan University of the Russian Empire: academic class, society and government (the second half of the 19th – early 20th centuries). Moscow: Polit. entsikl.; 2017. 903 p. (In Russ.)
2. Ganelin R.Sh., Chernukha V.G. S.N. Valk (1887-1975). In: Auxiliary historical disciplines. Vol. 26. St. Petersburg: Nauka; 1998. P. 299-316. (In Russ.)
3. Valk S.N. Historical science at Leningrad University for 125 years. In: Selected works on historiography and source studies. St. Petersburg: Nauka; 2000. P. 7-106. (In Russ.)
4. Tikhonov V.V. The Moscow historical school in the first half of the twentieth century: the scientific work of Yu.V. Gauthier, S.B. Veselovsky, A.I. Yakovlev and S.V. Bakhrushin. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2012. 320 p. (In Russ.)
5. Sveshnikov A.V. The St. Petersburg school of medievalists of the early 20th century in the context of russian modernization. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2011;(1):107-112. (In Russ.)
6. From the memoirs of B.V. Ananyich. In: Anan'ich N.I. (ed.). Boris Vasilyevich Ananyich. How we remember him. St. Petersburg: Liki Rossii; 2016. P. 107. (In Russ.)
7. Vitukhnovskaya M.A. In memory of Boris Vasilyevich Ananyich. In: Anan'ich N.I. (ed.) Boris Vasilyevich Ananyich. How we remember him. St. Petersburg: Liki Rossii; 2016. P. 29–33. (In Russ.)
8. Pravilova E.A. In memoriam. In: Anan'ich N.I. (ed.) Ananyich Boris Vasilyevich. How we remember him. St. Petersburg: Liki Rossii; 2016. P. 40-42. (In Russ.)
9. Riber A. Boris Vasilyevich Ananyich. In: Anan'ich N.I. (ed.) Boris Vasilyevich Ananyich. How we remember him. St. Petersburg: Liki Rossii; 2016. P. 80-85. (In Russ.)
10. Valk S.N. Boris Alexandrovich Romanov. In: Selected works on historiography and source studies. St. Petersburg: Nauka; 2000. P. 107-145. (In Russ.)
11. Ganelin R.Sh. B.A. Romanov is a historian of the revolutionary movement in Russia. In: Soviet historians: what they talked about among themselves. Pages of memories of the 1940s–1970s. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2006. P. 209-228. (In Russ.)
12. Lappo-Danilevskii A.S. Methodology of history. Moscow: Territoriya budushchego; 2006. 621 p. (In Russ.)
13. Presnyakov A.E. Letters and diaries. 1889–1927. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2005. 967 p. (In Russ.)

14. Andreeva-Georg V.P. I.M. Grevs. In: Valk S.N., et al. (eds.). St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) courses (1878-1918). Leningrad: Izd-vo LGU; 1965. P. 173-175. (In Russ.)
15. Kareev N.I. About school history teaching. Petrograd: Tip. M.M. Stasyulevicha; 1917. 226 p. (In Russ.)
16. Milyukov P.N. Memoirs. Vol. 1. Moscow: Sovremennik; 1990. 446 p. (In Russ.)
17. Zakharova L.G. The way to the topic. In: Alexander II and the abolition of serfdom in Russia. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); 2011. P. 5-38. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Барыкина Инна Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России (с древнейших времен до начала XIX века), Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ibarykina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9910-6766, Researcher ID: Q-3442-2018

Inna E. Barykina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Professor of Departments of Russian History (from ancient times to the beginning of the 19th century), Herzen University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: ibarykina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9910-6766, Researcher ID: Q-3442-2018